

На текуція теми.

Недурное начало.—Идея примиренія наоборотъ и практическое ея осуществленіе.—Объ одномъ сенатскомъ разъясненіи и творческихъ порывахъ.—Военные и штатскіе миротворцы.—Объ „укаинофильствѣ“ и воинственномъ азартѣ г. Струве.—На двухъ стульяхъ.

Какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, текущій годъ начался съ оффиціознаго заявленія на столбцахъ самой „Россіи“ о желательности „полнаго примиренія инокровныхъ согражданъ съ народомъ-строителемъ имперіи“, или—лучше сказать—съ тѣми, кто именемъ народа-строителя прикрывается. Принимая во вниманіе нравы, господствующіе въ этой средѣ, уже заранѣе необходимо было ожидать какой-либо пакости. Когда, на примѣръ, блаженной памяти Порфирій Владиміровичъ Головлевъ обращалъ на кого-нибудь свое благосклонное вниманіе, то нѣкоторое время „нельзя было различить, хочетъ ли онъ приласкать человѣка, или намѣренъ высосать изъ него кровь“. Лишь въ послѣдствіи обласканному приходилось торько каяться въ своей довѣрчивости и посылать по адресу благодѣтеля весьма недвусмысленные эпитеты и пожеланія. Ничего другого не могли, разумѣется, вызвать и необычные аллюры „Россіи“ въ сторону примиренія. За медоточивыми приглашеніями обязательно слѣдовало ожидать какихъ-либо реальныхъ дѣйствій въ обратную сторону, примиреніе наоборотъ.

Дѣйствительность не замедлила оправдать эти ожиданія. 1-го января мы читали увѣщанія о необходимости примиренія и призывы къ общему строительству, а уже 7-го того же мѣсяца встрѣтили еще одно солидное доказательство искренней расположенности къ примиренію. Въ газетахъ было сообщено о результатѣ приведеннаго въ прошлый разъ рапорта П. А. Столыпина. Регистрація московскаго общества „Украінска хата“ признана „несогласной закономъ“ и постановленіе московскаго объ обществахъ присутствія отмѣнено ¹⁾. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣст-

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1912 г., № 7.

ны въ деталяхъ мотивы этого рѣшенія, и потому мы лишены возможности постигнуть, какимъ образомъ регистрація общества, не воспрещеннаго закономъ, могла вдругъ оказаться „несогласной съ закономъ“. Но если мы припомнимъ приведенную въ прошлый разъ аргументацію покойнаго Столыпина, то это отсутствие мотивовъ краснорѣчивѣе самыхъ подробныхъ объясненій скажетъ намъ, въ чемъ собственно дѣло и гдѣ нужно искать зарытую собаку. Разумѣется, въ дѣйствующемъ законѣ объ обществахъ нельзя найти запрещенія національныхъ обществъ, преслѣдующихъ мирныя культурныя цѣли не противными законамъ средствами. Но... припомнимъ, что именно такая культурная цѣль, какъ писалъ Столыпинъ, „съ точки зрѣнія русской государственной власти, представляется крайне нежелательной“,—и все само собой разъяснится. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы получимъ и весьма наглядную иллюстрацію къ новогодней передовицѣ „Россіи“. Съ точки зрѣнія примиренія, понимаемаго наоборотъ, 1912-й годъ начался, очевидно, очень и очень недурно...

Вообще круги, обслуживаемые „Россіей“, склонны понимать примиреніе съ инородцами въ указанномъ сейчасъ, оригинальномъ смыслѣ. Недавно всѣ газеты обошело „изумительный“, какъ выразилась „Рѣчь“ приказъ полкового командира Олонецкаго полка, г. Шнейдера. Замѣчено мною,—пишетъ въ приказѣ по полку отъ 18-го января г. полковникъ,—что инородцы ведутъ переписку съ родными не на русскомъ, а на своемъ языкѣ. Всѣ они говорятъ или очень плохо, или ломанымъ языкомъ по-русски, а русскій языкъ—языкъ государственный. Армія въ мирное время—это школа. Инородецъ, пока состоитъ на службѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ, долженъ и обязанъ научиться русскому государственному языку; это же возможно только при условіи предъявленія къ инородцамъ требованія и говорить, и писать только исключительно по-русски. Родные его или знакомые также должны отвѣчать по-русски. Въ заключеніе—предложеніе гг. начальствующимъ „принять мѣры по проведенію этого требованія въ жизнь“¹⁾. Я не знаю, какими мѣрами достигнуть гг. ротные командиры и начальники командъ, чтобы не только находящіеся подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ инородцы,

¹⁾ „Рѣчь“, цит. по „Кіевск. Мысли“, 1912, № 38.

но и родственники ихъ и знакомые, къ Олонецкому полку никакого отношенія не имѣющіе, вдругъ, „въ теченіе трехъ лѣтъ“, приобрѣти основательныя знанія въ государственномъ языкѣ. Но если примѣру г. Шнейдера послѣдуютъ командиры и прочихъ воинскихъ частей, то инородческій вопросъ будетъ блистательно и немедленно, не далѣе трехъ лѣтъ, разрѣшенъ совершенно. Нѣтъ, вѣроятно, въ Россіи человѣка, который бы не находился въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ несущимъ воинскую службу лицамъ, и, такимъ образомъ, всеобщая воинская повинность устанавливаетъ новую всеобщую повинность для населенія—немедленно же усвоить русскій языкъ со всѣми его нюансами, чтобы не говорить и не переписываться съ родственниками или знакомыми солдатами „очень плохо или ломанымъ языкомъ по-русски“. Однимъ росчеркомъ пера г. Шнейдера разрѣшена величайшая соціологическая проблема. Преклоняясь предъ творческимъ геніемъ полковника Олонецкаго полка, долженъ тѣмъ не менѣе отмѣтить, что провозглашенному „Россіей“ примиренію этотъ геніальный размахъ творческой мысли врядъ ли окажетъ содѣйствіе. Скорѣе наоборотъ: по свойственной человѣчеству склонности къ заблужденіямъ („errare humanum est“), рекомендуемая г. Шнейдеромъ мѣра грозитъ вызвать взаимное озлобленіе между говорящими чисто и говорящими плохо или и совсѣмъ не говорящими по-русски.

Безъ сомнѣнія, то же дѣйствіе должно произвести и поведеніе директора лебединской гимназіи. Этотъ штатскій мужъ, въ жилахъ котораго течетъ несомнѣнно военная кровь, воспретилъ „подвѣдомственнымъ“ гимназистамъ разговаривать по-украински не только въ гимназіи, но и дома. Корреспондентъ „Рады“ передаетъ между прочимъ, что когда одинъ изъ учениковъ, объясняя теорему изъ геометріи, употребилъ нѣсколько украинскихъ словъ, то г. директоръ не могъ снести такого умаленія правъ государственнаго языка. Хотя ученикъ и зналъ злополучную теорему, тѣмъ не менѣе получилъ двойку при язвительномъ замѣчаніи г. директора: „на какомъ ты языкѣ говоришь?“¹⁾ Нужно думать, что лебединскіе гимназисты на будущее время сдѣлаются болѣе осторожными и теоремы будутъ объяснять болѣе или менѣе по-русски, но въ смыслѣ куль-

1) „Рада“, 1912 г., № 24.

тивированія примирительныхъ чувствъ воинскій поступокъ штатскаго директора слѣдуетъ признать не совсѣмъ удачнымъ.

Какъ видимъ, въ официальныхъ сферахъ по части примирительнаго настроенія очень слабо. Заповѣдь „Россіи“ здѣсь, очевидно, хорошо раскусили и поняли ея смыслъ, какъ и слѣдовало, не по буквѣ, а по духу, какъ требованіе примиренія на оборотъ. Въ установившееся уже положеніе вещей практически это не вносить ничего новаго: такъ было, такъ есть и такъ,—долго ли, коротко ли,—будетъ... Но любопытно все-таки это знаменательное совпаденіе или, если хотите, расхожденіе официальныхъ пожеланій съ официальными же мѣропріятіями по всевозможнымъ вѣдомствамъ...

Перейдемъ къ общественнымъ кругамъ. Здѣсь пожеланія „Россіи“ не имѣютъ, повидимому, обязательнаго значенія, и потому позволительно надѣяться, что примиреніе не будетъ выворачиваться наизнанку. Но вотъ предо мною предписаніе кременчугской уѣздной земской управы, подписанное членомъ управы г. Болотовымъ, уѣздному агроному кременчугскаго земства. „Вслѣдствіе заявленія населенія,—пишетъ г. Болотовъ,—уѣздная земская управа проситъ васъ всю литературу на малороссійскомъ языкѣ, по агрономической части, изъять изъ употребленія и возвратить ее обратно“¹⁾. Повидимому, примиреніе уже состоялось въ полномъ объемѣ, ибо г. Болотовъ даже на заявленіе населенія сослался. Но именно эта неосторожная во всѣхъ отношеніяхъ ссылка и выдаетъ съ головой не совсѣмъ остроумнаго члена кременчугской уѣздной земской управы. Въ самомъ дѣлѣ, почему это вдругъ населеніе Кременчугскаго уѣзда изнемогло подъ бременемъ „литературы на малороссійскомъ языкѣ по агрономической части“ и возопило къ г. Болотову объ освободеніи отъ этого бремени? Почему именно „агрономическая часть“ казалась непосильнымъ бременемъ для населенія и какъ понимать положеніе въ Кременчугскомъ уѣздѣ прочихъ „частей“? И кто это и когда въ Кременчугскомъ уѣздѣ устраивалъ плебисцитъ по вопросу объ „агрономической части“? Достаточно только поставить эти недоумѣнные вопросы, чтобы понять, что г. Болотовъ на счетъ заявленія населенія

1) „Кіевская Мысль“.

просто отъ собственного разума присочинилъ, а на самомъ дѣлѣ осуществляетъ все ту же программу примиренія на оборотъ. Извѣстно вѣдь, что населеніе не только Кременчугскаго, но и другихъ уѣздовъ просто не читаетъ ненужной ему литературы, употребляя ее въ лучшемъ случаѣ на „цыгарки“ и другія хозяйственныя надобности. Слѣдовательно, подвергать изытію такую литературу дѣло совершенно излишнее и даже, съ точки зрѣнія г. Болотова, бессмысленное: пойдеть на „цыгарки“ вредная литература по агрономической части—ну, и прекрасно. Но разъ приходится къ изытію прибѣгать, значить, литература несомнѣнно читается, а разъ она читается, то... Очень это неосторожно у г. Болотова вышло съ ссылкой на заявленіе населенія, и гораздо бы лучше было для его репутаціи, если бы онъ осуществилъ свою примирительную программу молча...

Скажутъ, пожалуй, что членъ земской управы—тоже лицо до нѣкоторой степени официальное, хотя и несомнѣнно отражающее взгляды нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя почтили его своимъ избраніемъ. Но вотъ область литературы и литераторовъ, притомъ настоящихъ, къ „Россіи“ никакого отношенія не имѣющихъ и также безъ всякаго сомнѣнія отражающихъ настроеніе если не болѣе или менѣе широкихъ общественныхъ круговъ, то по крайней мѣрѣ кружковъ, съ общественными кругами имѣющихъ тѣсную связь. Вотъ П. Б. Струве съ нашумѣвшей статьёй „Общерусская культура и украинскій партикуляризмъ“ въ январской книжкѣ „Русской Мысли“; вотъ редакція „Русской Мысли“, снабдившая въ той же книжкѣ замѣтку А. Э. Саликовскаго любопытнымъ редакціоннымъ примѣчаніемъ, направленнымъ противъ „украинской“ (даже въ ковычкахъ!) позиціи автора... Казалось бы, „кое общеніе свѣту ко тьмѣ“ и какія точки соприкосновенія могутъ имѣть „Русская Мысль“ и „Россія“, П. Б. Струве—и г. Шнейдеръ или г. Болотовъ? И тьмѣ не менѣе общія позиціи оказались... Въ виду полной для многихъ неожиданности этого болѣе чѣмъ страннаго совпаденія по вопросу о примиреніи инородцевъ я позволю себѣ остановиться на статьѣ г. Струве и „примирительной“ позиціи „Русской Мысли“ нѣсколько внимательнѣе. Долженъ однако оговориться, что не имѣю въ виду

разсматривать здѣсь взгляды г. Струве на украинскій вопросъ въ цѣломъ, тѣмъ болѣе, что подробно объ этомъ высказался въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Какъ обозрѣвателя текущей жизни, меня здѣсь интересуеъ лишь примѣненіе этихъ взглядовъ въ чисто практической сферѣ, какъ опытъ своеобразнаго приложенія той же примирительной идеи, понимаемой наоборотъ, которая выразилась и въ новогоднемъ пожеланіи „Россіи“, и въ новогоднемъ подаркѣ сената, и въ гениальномъ размахѣ г. Шнейдера, и въ неосторожномъ поведеніи г. Болотова. И если точки зрѣнія на примирительный процессъ у нихъ не вполне совпадаютъ, то исходный пунктъ и почва, на которой они основываются, несомнѣнно общія, хотя и выражаемая различными словами. Это „просвѣтлѣніе государственной мысли“ „Россіи“, „русская государственная власть“ сената, „русскій государственный языкъ“ гг. Шнейдера и Болотова и... тотъ же „прогнанный сквозь строй сотенъ томовъ „Полнаго собранія законовъ“ русскій языкъ“ г. Струве. Пишется все это, какъ видимъ, разное, но выговаривается, какъ сейчасъ убѣдимся, совершенно одинаково.

Г. Струве признаеъ существованіе „въ извѣстномъ смыслѣ“ самостоятельной украинской культуры,—это въ началѣ своей статьи. Г. Струве объявляетъ себя—тоже, впрочемъ, „въ извѣстномъ смыслѣ“,—украинофиломъ,—это въ срединѣ статьи. Г. Струве призываетъ русское прогрессивное общественное мнѣніе энергично, безъ всякихъ двухсмысленностей и поблажекъ вступить въ борьбу,—опять-таки „въ извѣстномъ смыслѣ“,—съ украинскимъ движеніемъ,—это въ концѣ статьи. Говоря иными словами, нашъ пріятель („украинофилъ“ вѣдь!), признающій украинскую культуру, объявляетъ этой любезной и признаваемой культурѣ вдругъ беспощадную борьбу... Правда, — это борьба идейная, г. Струве не дошелъ пока до предписанія „изъять“ любезную ему культуру изъ употребленія полицейскими мѣрами, какъ г. Болотовъ поступилъ съ „агрономической частью“ ввѣреннаго ему Кременчугскаго уѣзда. Но... въ позиціи г. Струве несомнѣнно имѣется нѣчто болотовское, и это не служить къ ея укрѣпленію. Г. Болотову нужно было только изъятіе, но онъ это главнѣйшее испортилъ неосторожной ссылкой на заявленіе населенія. Г-ну Струве нужна

¹⁾ „Рада“, 1912 г., №№ 23, 28 и 34.

только борьба, и онъ совершенно безъ нужды ослабляетъ эту позицію своимъ „укаинофильствомъ“ и признаніемъ украинской культуры, хотя бы и „въ извѣстномъ смыслѣ“. И для репутаціи г. Струве также гораздо бы лучше было, если бы онъ осуществлялъ свою примирительную „въ извѣстномъ смыслѣ“ политику тоже молча, безъ излишнихъ объясненій, и если бы его статья не только оканчивалась, но начиналась и продолжалась призывомъ къ борьбѣ.

Лучше это было бы не только въ смыслѣ цѣльности впечатлѣнія, которое теперь, благодаря неудачному приему, раздваивается и даже разстраивается и потому въ нѣкоторое разстройство приводитъ и аргументацію почтеннаго автора. Гораздо важнѣе, что позиція борьбы и только борьбы, „безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ“, освобождаетъ отъ тѣхъ обязательствъ, которыя не совсѣмъ осторожно принялъ на себя г. Струве въ качествѣ „укаинофила“, хотя бы даже „въ извѣстномъ смыслѣ“. Г. Струве и не предполагаетъ, очевидно, какъ близка любезная его сердцу укаинофильская точка зрѣнія къ ненавистному украинству; г. Струве не хочетъ замѣчать, что послѣднее съ элементарной, стихійной силой вытекаетъ изъ укаинофильства, если вкладывать въ это понятіе какой-либо реальный смыслъ, а не играть словами. Напримѣръ, въ своемъ укаинофильскомъ увлеченіи г. Струве не желаетъ исчезновенія украинскаго языка, предоставляя ему отъ щедротъ своихъ „путь скромнаго областнаго развитія“. Если это не звукъ пустой, а обозначаетъ нѣчто реальное, какую-либо область дѣйствительно безпрепятственнаго развитія, то вся послѣдующая аргументація г. Струве, вплоть до призывовъ къ борьбѣ, теряетъ всякое значеніе и основаніе, виситъ, такъ сказать, въ воздухѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если говорить о развитіи,—а г. Струве, какъ видимъ, о немъ и говоритъ,—то совершенно непонятно, какіе и гдѣ этому развитію можно поставить предѣлы. Само понятіе развитія не допускаетъ такихъ предѣловъ, ибо никто не можетъ предвидѣть, гдѣ, на какомъ именно мѣстѣ данный процессъ въ своемъ развитіи остановится, если вообще въ этомъ случаѣ можно говорить объ остановкахъ безъ помощи принудительныхъ мѣропріятій. Г. Струве такую остановку въ украинскомъ вопросѣ находить не только возможной, но и необходимой, и даже точно намѣчаетъ предѣлы

развитія украинской культуры: это знакомая намъ уже по опыту съ указомъ 1876 г. область изящной литературы и, можетъ быть,—относительно послѣдняго, г. Струве не вполне увѣренъ,—начальнаго образованія. Прекрасно,—значить, съ благосклоннаго разрѣшенія г. Струве я могу по-украински написать стихотвореніе, рассказъ, повѣсть; можетъ быть, могу съ дѣтьми въ начальной школѣ говорить о небесныхъ и земныхъ явленіяхъ, могу, наконецъ, объяснять имъ четыре правила ариѳметики. Но, не говоря уже о томъ, какіе вопросы я буду затрагивать въ своемъ стихотвореніи или рассказѣ, могу ли я о немъ говорить и писать по-украински? Могу ли я на томъ же языкѣ объяснять, скажемъ, дроби? Нѣтъ,—скажетъ г. Струве,—этого нельзя. На недоумѣнный вопросъ—почему, онъ съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ отвѣтитъ: ибо это противорѣчило бы „скромному областному развитію“. Но позвольте, почему рассказъ не противорѣчитъ, а статья объ этомъ рассказѣ уже противорѣчитъ? Почему первыя четыре ариѳметическія дѣйствія лежатъ въ предѣлахъ „скромнаго областного развитія“, а дроби—уже за предѣлами? И гдѣ разница между скромнымъ развитіемъ и развитіемъ нескромнымъ? Но эти вполне умѣстные вопросы г. Струве оставляетъ безъ отвѣта; сказавъ а, онъ насчетъ дальнѣйшаго упрямится и предпочитаетъ остаться,—за чужой счетъ, конечно,—безграмотнымъ. Вольному воля, но я-то, разумѣется, слѣдовать этому благоразумному примѣру не могу и потому буду имѣть смѣлость не послушаться г. Струве. Разъ я физически что-либо могу сдѣлать, то, конечно, свою эту дѣятельность постараюсь продолжать до взаимныхъ естественныхъ предѣловъ и не пойду справляться о томъ, что дозволено или не дозволено какимъ-то неувимымъ кодексомъ „скромнаго областного развитія“.

Вообще говоря, тотъ путь, которымъ соблазняетъ украинцевъ г. Струве,—путь „скромнаго областного развитія“,—логически невозможенъ и немислимъ, какъ практически невозможна и немислима альтернатива: или этотъ путь, или безконечное развитіе. Гермафродиты и гибридные существа на высшей ступени развитія всегда бесплодны, и стремленіе усѣсться на двухъ стульяхъ оканчивается всегда плачевно, такъ какъ приводитъ въ сущности между стульевъ... Точно также бесплоденъ и путь, предоставляемый украинской культурѣ г. Струве; точно также плачевно окан-

чивается его попытка построить указанную альтернативу по типу: этот ребенок или вечно останется в пеленках, или сдѣлается современнымъ взрослымъ человѣкомъ. Ребенокъ можетъ умереть, но если этого съ нимъ не случится, онъ обязательно вырастетъ. Точно также и въ занимающемъ насъ вопросѣ логически возможно допустить одно изъ двухъ: или полное исчезновение украинской культуры, или развитіе ея до такихъ предѣловъ, до какихъ можетъ вообще развиваться человѣческая культура. *Tertium pop datur* — и предлагаемый г. Струве средній путь можетъ быть лишь исходнымъ пунктомъ, начальнымъ этапомъ развитія, кстати, давно уже и безвозвратно пройденнымъ украинской культурой. Незнакомая г. Струве исторія украинскаго движенія даетъ лучшее тому доказательство, и предъ глазами г. Струве былъ даже весьма наглядный личный примѣръ—въ лицѣ нѣскольکو ему болѣе извѣстнаго Драгоманова; былъ и еще болѣе наглядный общественный примѣръ въ формѣ извѣстнаго указа 1876 г., стремившагося заковать украинское движеніе въ рамки именно художественной литературы. Но г. Струве предпочелъ оставить украинцевъ въ пеленкахъ, и поучительные примѣры прошли для него вполнѣ бесплодно.

Но весьма рискованное, съ логической стороны, положеніе г. Струве, съ его же собственной точки зрѣнія, совершенно невозможно на практикѣ. Я уже ставилъ вопросъ, кто и какимъ образомъ будетъ опредѣлять для украинской культуры „предѣлъ, его же не преjdeши“, кто и какими средствами будетъ загонять ее обратно въ эти предѣлы, если она, къ неудовольствію г. Струве, пытается расширить отведенныя ей рамки? Практически я понимаю сенать съ его разъясненіями по поводу украинскаго общества, понимаю также г. Шнейдера съ его военнымъ размахомъ, понимаю даже г. Болотова съ его штатской боязливостью: у нихъ въ рукахъ есть извѣстная власть съ ея мѣрами принужденія, и этой властью они пользуются. Но г. Струве... Вѣдь онъ, конечно, противъ насилія,—по крайней мѣрѣ, въ области культурныхъ отношеній. Онъ, конечно, не запретитъ украинскаго общества, разъ его дѣятельность не противорѣчитъ закону; онъ не издастъ приказа о принудительномъ, въ теченіе трехъ лѣтъ отъ нижеписаннаго числа, обрусеніи всѣхъ инородцевъ, онъ не станетъ подвергать изъятію агрономическую часть. Что же остается на долю г. Струве?

Въ заключеніе своей статьи г. Струве указываетъ это: вѣдь призывъ къ „идейной борьбѣ“ съ украинствомъ,—повидимому, вполне опредѣленная позиція, къ которой только остается примкнуть всякому желающему. Всякій воленъ, конечно, избирать извѣстную идейную позицію и вести за нее идейную же борьбу, но для этого нужно прежде всего опредѣлить точно противника, найти, куда направлять свои удары. Безъ этого призывы къ идейной борьбѣ являются въ полномъ смыслѣ пустой фразой, не заключающей въ себѣ ровно никакого реального содержанія. Кто же является противникомъ занимаемой г. Струве идейной позиціи? Онъ не затруднится, конечно, отвѣтомъ на поставленный вопросъ: это, разумѣется, украинцы—не по происхожденію, а по убѣжденію, иными словами—всѣ раздѣляющіе украинскую точку зрѣнія, по квалификаціи редакціи „Русской Мысли“. Но что такое украинская точка зрѣнія? По опредѣленію г. Струве, это—„воинствующій (?) партикуляризмъ, желающій областное начало поставить на мѣсто общенациональнаго и тѣмъ самымъ (!) покушающійся на культурное единство русской Россіи“¹⁾. Въ противовѣсъ „украинской точкѣ зрѣнія“ г. Струве выдвигается уже упомянутая украинофильская, стоящая на почвѣ „вполнѣ законныхъ стремленій въ духѣ культурнаго украинофильства“. Итакъ, имѣемъ законныя и незаконныя стремленія, и именно послѣднимъ приглашается объявить безпощадную войну. Но позволительно освѣдомиться, какая инстанція будетъ въ концѣ-концовъ рѣшать вопросъ о законности или незаконности даннаго требованія и какой критерій примѣнять при рѣшеніи этого вопроса. Герценъ когда-то, именно по интересующему насъ сейчасъ поводу, говорилъ о „министерствѣ грамматики и департаментѣ спряженій“, — это была, разумѣется, шутка, но предъ г. Струве вопросъ стоитъ въ далеко не шуточной формѣ: безъ подобныхъ министерствъ и департаментовъ ему не обойтись!.. Я понимаю, что правительство можетъ опредѣлить, что съ его точки зрѣнія законно и что незаконно (актъ 1876 г.), можетъ даже къ незаконному прихватить то, что таковымъ въ сущности не является (упомянутое рѣшеніе сената), но я не понимаю, какимъ образомъ бу-

1) „Русская Мысль“, 1912, I, стр. 85—86.

деть опредѣлять своихъ враговъ г. Струве. И я боюсь, что если единственнымъ критеріемъ для него останется все тотъ же фетишь государственности, то... какъ бы на практикѣ не изсякло вовсе его украинофильство и „путь скромнаго областного развитія“ не прервался внезапно, не достигнувъ даже дробей. Вѣдь характерно, что даже о Столыпинѣ г. Локоть рассказываетъ, что противъ этнографическаго украинства покойный министръ ничего не имѣлъ; еще болѣе характерно, что столь г-номъ Струве поносимый за „дикое безсмысліе“ Михайло Меншиковъ, какъ оказывается, тоже ничего не имѣетъ противъ „естественнаго и даже желательнаго провинціализма“¹⁾... Всѣ ничего не имѣютъ, а между тѣмъ закрываютъ „Просвіты“ и вопіютъ даже противъ украинскаго театра. Такова путаница, происходящая при опредѣленіи степени законности украинскихъ требованій. И не думаю, чтобы безъ помощи министерствъ и департаментовъ г. Струве своимъ послѣдователямъ, если таковые найдутся, предложилъ что-либо болѣе опредѣленное для различенія между добромъ и зломъ....

Противъ этого неопредѣленнаго и даже неуловимаго зла объявляется тѣмъ не менѣе идейная борьба. Опять-таки я не совсѣмъ понимаю, какъ и чѣмъ будетъ бороться г. Струве. Допустимъ, онъ будетъ писать статьи противъ объясненія дробей по-украински и вообще по украинскому вопросу, хотя для этого у него слишкомъ незначительный запасъ знаній и слишкомъ велика наклонность рѣшать запутанные вопросы, руководствуясь исключительно кабинетными соображеніями. Допустимъ, далѣе, что эти статьи не производятъ желаемаго впечатлѣнія, „незаконныя“ дробы продолжаютъ ломать предуказанный путь и вообще зло продолжаетъ существовать и развиваться. Что же далѣе? Вѣдь въ такихъ практическихъ вопросахъ всегда требуется отъ словъ переходить къ дѣлу,—къ какому же дѣлу перейдетъ г. Струве? Клубъ русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ, объявившій, какъ извѣстно, также идейную борьбу противъ „мазепинства“, быстро ориентировался въ положеніи и нашель подходящее „дѣло“,—какое, для насъ сейчасъ безразлично. Но г. Струве противъ насилія, и пока на этой точкѣ зрѣнія стоитъ онъ, идейная борьба

1) „Новое Время“, № 12839, „Национальная трещина“.

съ такимъ азартомъ провозглашенная, въ его устахъ является въ сущности пустой фразой, отказомъ отъ борьбы, полной капитуляціей или, если угодно, благороднымъ ретированіемъ предъ ненавистнымъ украинствомъ. Это нѣчто въ родѣ того пораженія, какое въ воинственномъ азартѣ наносилъ въ свое время Россіи приснопамятный воевода Пальмерстонъ, водя указательнымъ перстомъ по географической картѣ. Въ особенности, если перстъ этотъ не весьма твердъ и даже на картѣ спотыкается, не будучи въ состояніи разобраться въ очертаніяхъ поражаемаго предмета...

Вообще воевать на картѣ очень легко, какъ и легко въ уютномъ кабинетѣ предаваться сладостнымъ иллюзіямъ и мечтаніямъ насчетъ всеобщаго единства отъ Карпатъ до Камчатки. Очень недурную оцѣнку такихъ кабинетныхъ измышленій г. Струве могъ бы найти пососѣдству съ собственной статьей, въ той же январской книжкѣ „Русской Мысли“. Между прочимъ здѣсь напечатана замѣтка г. Авалова „О единствѣ и нераздѣльности Россіи“, къ которой, очевидно, только по разсѣянности редакція „Русской Мысли“ забыла приложить укоризненное примѣчаніе насчетъ „украинской позиціи“ автора. Вотъ что читаемъ въ названной замѣткѣ:

«Конечно, можно приходить въ умиленіе, глядя на карту Россіи: отъ Варшавы до Японіи, отъ Карпатъ до Берингова пролива, отъ Новой Земли до Арарата—всѣ эти земли, горы, воды, тундры и степи, съ принадлежащими къ нимъ народами всякихъ антропологическихъ типовъ и всѣхъ ступеней развитія, все это есть Россія—единая и нераздѣльная. Но если отрѣшиться отъ этого, совершенно дѣтскаго, хотя весьма распространеннаго между взрослыми «чувства великаго», вызываемаго также валовыми цифрами бюджета, разстояніями, количествомъ волостныхъ старшинъ, акцизныхъ чиновниковъ или чиновничьихъ вдовъ, живущихъ на пенсіи, то придется серьезно задуматься надъ огромнымъ несоотвѣтствіемъ между формальнымъ единствомъ русскаго государства и хаосомъ національно-культурныхъ въ немъ отношеній.

И когда вспоминаешь о тѣхъ возможностяхъ культурнаго и политическаго расцвѣта, какія заключались въ особыхъ порядкахъ соединенныхъ съ Россіей земель, когда ясно видишь, что съ крушеніемъ этихъ автономій у нихъ естественно отнимались шансы сколько-нибудь здраваго развитія, а Россія столько же неизбежно обрекалась на бесплодный, тяжкій для обѣихъ сторонъ трудъ обрусенія и разрушительной

замѣны особеннаго общимъ—тогда не только отказываешься отъ умиленія всѣми этими успѣхами объединенія, но думаешь съ досадою о бѣдности чисто политическаго творчества русской государственной власти, при всякомъ удобномъ случаѣ стихійно стремившейся «прибратъ къ рукамъ» ту или другую «автономную» окраину.

И побужденіе, выражаемое въ простодушныхъ словахъ: «прибратъ къ рукамъ Малую Россію», сказанныхъ почти двѣсти лѣтъ тому назадъ, не является ли дѣйствительно тѣмъ искомымъ общимъ знаменателемъ, который подойдетъ и къ Финляндіи, и къ Украинѣ?»

Вотъ вопросъ, который я предложилъ бы благосклонному вниманію г-на Струве и иже съ нимъ. Но для того, чтобы правильно и безпристрастно взглянуть на него, они должны отрѣшиться сперва отъ „совершенно дѣтскаго, хотя весьма распространеннаго между взрослыми „чувства великаго“,—правильнѣе было бы сказать: „большого“,—бросить свои кабинетныя измышленія объ единой культурѣ, общерусскомъ языкѣ и тому подобныхъ, можетъ быть, и прекрасныхъ, но—увы!—совершенно невысказанныхъ при нашихъ условіяхъ вещахъ, и заняться предварительнымъ изученіемъ тѣхъ слагаемыхъ, которыя они насильно желаютъ втиснуть въ сумму единой общерусской культуры. Исполнивши этотъ долгъ элементарной добросовѣстности, они, быть-можетъ, и не придутъ къ трогательному единенію съ „Россіей“ на почвѣ примиренія наоборотъ; можетъ быть, поймутъ, что направлять имъ свои удары слѣдуетъ вовсе не противъ всевозможныхъ „партикуляризмовъ“, а совершенно въ обратную сторону—противъ мертвящаго казарменнаго единообразія, которое вовсе не приводитъ къ единству. Ну, а если не поймутъ, то, можетъ быть, найдутъ по крайней мѣрѣ силу вполне откровенно послѣдовать въ раскрытыя объятія „Россіи“ и дѣйствовать вкупѣ и влюбѣ съ гг. Шнейдерами и Болотовыми, Меньшиковыми и Савенками. Ибо нельзя усаживаться на двухъ стульяхъ одновременно,—нельзя, объявляя себя „укаинофиломъ“, выступать въ то же время съ проповѣдью крестоваго похода противъ украинства. Одно изъ двухъ: либо „укаинофильство“, либо воинственный азартъ, ибо совмѣщеніе несомѣстимаго приводитъ хотя и нѣсколько окольными путями, только къ „Россіи“. Лучше и честнѣе, избрать прямую дорогу.

С. Ефремовъ.